

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ THEORETICAL RESEARCH

Динамика предмета социологических и психологических исследований семьи и родительства в изменяющемся социокультурном контексте

Голзицкая А.А.

*ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7509-9813>, e-mail: a_golzi@mail.ru*

Кисельникова Н.В.

*ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru*

Куминская Е.А.

*ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5650-1096>, e-mail: evgenia.kuminskaya@gmail.com*

Лаврова Е.В.

*ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7144-4704>, e-mail: may_day@list.ru*

Карпинский К.В.

*Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@tut.by*

Грескова П.А.

*ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5490-780X>, e-mail: polina.greskova@gmail.com*

Цель. Раскрыть динамику предмета социологических и психологических исследований семьи и родительства в изменяющемся социокультурном контексте.

Контекст и актуальность. Представления о партнерских и семейных отношениях в последние десятилетия подвергаются серьезному пересмотру в связи с распространением идей социального конструктивизма, согласно которым все эти представления не определяются биологическими основаниями взаимодействия людей, а являются продуктами социального и культурного конструирования. Рассматривая исследования партнерских и семейных отношений, установок на родительство, ожидаемый размер семьи и пр., мы можем увидеть эволюцию подходов к формулировке гипотез и интерпретации результатов, которые явным образом испытывали и продолжают испытывать на себе влияние доминирующих на текущий момент социальных представлений об условной норме гендерного поведения и отношений. Актуальность исследования обусловлена не-

обходимость критической рефлексии связи социальных процессов и фокуса исследовательского внимания в области, испытывающей на себе сильное влияние этих процессов. Данная рефлексия выступает инструментом повышения валидности результатов и их интерпретации, особенно в исследованиях, выполненных в русле качественной и смешанной методологии.

Используемая методология. В работе использован содержательный (тематический) и количественный анализ предмета социологических и психологических исследований, а также сравнительный анализ динамики тематики и социокультурного контекста в разные периоды исследований.

Основные выводы. Показано, что объективные социальные процессы отражаются на преобладании тех или иных тем исследований и теоретических рамках, в которых интерпретируются полученные данные. Рефлексия социального контекста проведения исследований выступает необходимой процедурой повышения валидности результатов и позволяет создать базу для построения прогностических моделей.

Ключевые слова: семейные и партнерские отношения, социальные представления, гендерные роли, желаемый размер семьи, многодетные семьи.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 18-513-00022 Бел_а, Белорусского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) в рамках научного проекта Г18Р-307.

Для цитаты: Голзицкая А.А., Кисельникова Н.В., Куминская Е.А., Лаврова Е.В., Карпинский К.В., Греськова П.А. Динамика предмета социологических и психологических исследований семьи и родительства в изменяющемся социокультурном контексте // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 5–21. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110301>

The Dynamics of the Subject in Sociological and Psychological Studies of the Family and Parenthood in Changing Sociocultural Context

Alena A. Golzitskaya

The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7509-9813>, e-mail: a_golzi@mail.ru

Natalya V. Kiselnikova

The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Evgeniya A. Kuminskaya

The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5650-1096>, e-mail: evgenia.kuminskaya@gmail.com

Elena V. Lavrova

The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7144-4704>, e-mail: may_day@list.ru

Konstantin V. Karpinskiy

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@tut.by

Polina A. Greskova

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Saint-Petersburg State University», Saint-Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5490-780X>, e-mail: polina.greskova@gmail.com

Objectives. *To reveal how the subject in sociological and psychological studies of the family and parenthood change depending on sociocultural context.*

Background. *According to social constructivism, all ideas are not determined by the biological foundations of human interaction, but are products of social and cultural construction. That is why the concepts of partnership and family relations in recent decades have been seriously revised. We can see the evolution of approaches in formulation of hypotheses and interpretation of results in studies of partnerships and family relations, attitudes toward parenthood, expected family size, etc. As we show in the article, currently prevailing social ideas about the conditional norm of gender behavior and relationships influence these formulations. Understanding this influence is very important for critical reflection of the relationship between social processes and the focus of research. This reflection acts as a tool to increase the validity of the results and their interpretation, especially in studies carried out in line with the qualitative and mixed methodology.*

Methodology. *The paper includes a substantive (thematic) and quantitative analysis of the subject of sociological and psychological research, as well as a comparative analysis of the dynamics of the subject and sociocultural context in different periods of research.*

Conclusions. *The article shows that objective social processes are reflected in the predominance of certain research topics and theoretical frameworks in interpretation of the obtained data. Reflection of the social context of research is a necessary procedure to increase the validity of the results and allows to create a basis for building prognostic models.*

Keywords: *family and partnerships, social representations, gender roles, desired family size, large families.*

Funding. This work was supported by grant RFBR, project № 18-513-00022 Bel_a, BRFFR, project № G18P-307.

For citation: Golzitskaya A.A., Kiselnikova N.V., Kuminskaya E.A., Lavrova E.V., Karpinskiy K.V., Greskova P.A. The Dynamics of the Subject in Sociological and Psychological Studies of the Family and Parenthood in Changing Sociocultural Context. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 3, pp. 5–21. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110301>. (In Russ., abstr. in Engl.)

Введение

Проблема и актуальность исследования. Представления о партнерских и семейных отношениях, ролевых позициях в них, гендерных ролях и родительстве в последние десятилетия подвергаются серьезному пересмотру в связи с распространением идей социального конструктивизма, согласно которым все эти представления не определяются биологическими основаниями взаимодействия людей, а являются продуктами социального и культурного

конструирования. В процессе выстраивания различных форм социальных отношений те или иные явления обретают свои значения и смыслы, которые затем выступают регуляторами поведения людей [48].

Рассматривая исследования партнерских и семейных отношений, установок на родительство, ожидаемый размер семьи и пр., мы можем увидеть эволюцию подходов к формулировке гипотез и интерпретации результатов, которые явным образом испытывали и продолжают испытывать на себе влияние до-

минирующих на текущий момент социальных представлений об условной норме гендерного поведения и отношений. Проведение такого анализа кажется необходимым условием для рефлексии исследовательских установок и повышения валидности результатов, особенно в исследованиях, выполненных в русле качественной и смешанной методологии. Критическая рефлексия в данном случае раскрывает различные смысловые позиции исследователей и применяется как инструмент валидизации, благодаря чему удается использовать субъективность в качестве средства контроля анализа результатов и интерпретаций [25].

Кроме того, как отмечает С.И. Голод, пренебрежение подобной рефлексией «открывает простор для тенденциозности и идеологической зашоренности» [3, с. 106].

Цель. В данной работе осуществлена попытка проследить динамику интересов исследователей семьи и родительства в контексте социальных изменений в отношении к этим явлениям.

Для описания этого контекста сделаем краткий экскурс в историю на примере России XX–XXI вв. В рамках социологического анализа семьи в России с начала XX века до настоящего времени выделяются следующие периоды в развитии: дореволюционный, период становления советской власти, военные годы, послевоенные 50–60-е годы, 70–90-е годы, включающие экономический кризис, первое десятилетие нового века и текущий период после 2010 года.

Институт семьи в дореволюционной России в зеркале социологических исследований

Традиционно семейно-брачные отношения в России были в церковной юрис-

дикции, эта тенденция сохранялась в дореволюционный период. Жизнь общины тесно переплеталась с жизнью отдельно взятой семьи. Долгое время любовь между партнерами была совершенно не обязательным условием вступления в брак. Как правило, и само решение о создании семьи принимали не будущие муж и жена, а их семьи и важные члены сообщества, руководствуясь целями заключения стратегически верных союзов с точки зрения объединения хозяйств и деторождения [13].

Появление в России XIX века института «ухаживания» определило новую стратегию семейности. Общество признало, что «совместное проживание мужа и жены в условиях раз и навсегда закрепленных экспектаций, статусов и ролей требует адаптации их индивидуальных планов, образов и практик относительно друг друга» [5, с. 45].

В начале XX века выходит статья П. Сорокина «Кризис современной семьи (социологический очерк)» [22], которая анализирует основные тенденции развития и изменения семейных отношений на основании этнографических и культурно-исторических данных. Вывод о растущей непрочности супружеских союзов подкрепляется следующими доказательствами: растущий процент разводов, уменьшение числа браков и, соответственно, рост числа не вступающих в брак, рост внебрачных союзов мужчины и женщины, рост проституции, падение рождаемости, освобождение женщины из-под опеки мужа и изменение их отношений, уничтожение религиозной основы брака, ослабление охраны супружеской верности и самого брака государством. Кризис брака приводит и к кризису детско-родительских отношений, все большую роль в воспитании детей начинают играть государство и общество.

Российская семья в свете марксистской идеологии

После становления советской власти церковь в большой степени утратила свое влияние на семейно-брачные отношения. Ведущей стала идеология марксизма, отрицательно относящегося к частной собственности, наследованию и домашнему воспитанию [20], соответственно, менялись и взгляды на семью. Предполагалось главенство общественного над личным. Воспитание детей и заботу о старшем поколении должно было взять на себя государство [14]. В представлении идеологов того времени это освобождало женщину из «домашнего рабства». Таким образом, необходимость в образовании семьи старого формата отпадала. Новая семья — семья равноправных мужчины и женщины, связанных любовью, товариществом и «коллективной ответственностью» перед обществом. Любовь при этом трактовалась максимально широко: «не в узко половом, а в широком значении этого слова» [16, с. 30].

Однако реальное положение дел в этот период тем не менее отличалось от идеологически выверенной картины. Согласно проведенным социологическим опросам [1; 2], новые семейные отношения не формировались, а семья дореволюционной формы обесценивалась. В первой половине 30-х годов число разводов возросло в 68 раз, значительно снизилась рождаемость [8]. Государство начало принимать меры для усиления стабильности семейных отношений, но в 1941 г. началась Великая Отечественная война, что привело к значительному снижению доли женщин, состоящих в браке. В 1944 году был принят Указ Президиума ВС СССР об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиночкам

матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства». Такая политика, направленная на поддержку семейности, и окончание войны повлекли за собой увеличение коэффициента брачности. Скоро снова сменившееся спадом, продолжившимся до конца 60-х годов, поскольку в брак стали вступать поколения, родившиеся в военные годы. Кроме того, поскольку правовое значение придавалось только зарегистрированному браку, увеличилось количество внебрачных связей [13].

Социология семьи и быта

В 50–60-х годах после XX съезда КПСС стали массово проводиться социологические исследования в рамках «социологии семьи и быта». В 1966 г. была создана социологическая ассоциация, председателем которой стал А.Г. Харьчев. Ключевое понятие «быт» означало «внепроизводственную сферу человеческого бытия», такое определение через отрицание показывает, что в центре внимания по-прежнему оставалась «производственная сфера», а быт как организация потребления, в том числе духовных ценностей, оставался на втором плане [23; 24]. Широко обсуждались функции семьи, например, предлагалось считать семьей только семью, в которых есть дети [26].

В 70-х годах в брак стали вступать послевоенные поколения, соответственно, число браков и общий коэффициент брачности увеличились. С конца 70-х годов и до середины 90-х — оба показателя снова снижались. В 1995 году наблюдался рост за счет повторных браков, а минимальный показатель —

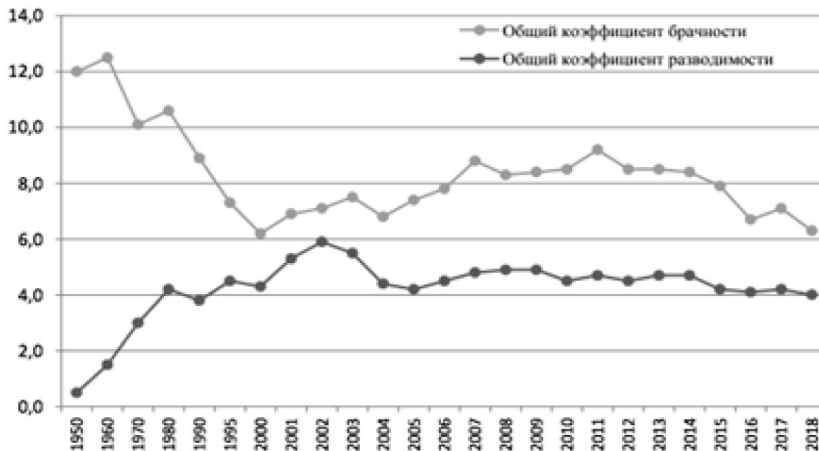

Рис. 1. Общие коэффициенты брачности и разводимости, 1950–2018 гг., на 1000 чел. (Источник: Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения, ред. Т.М. Малеева, 2019)

848,7 тыс. браков — был зафиксирован в 1998 году [10].

Проблемы семей, которые в тот период волновали исследователей, нашли отражение в анализе М.С. Мацковского [18]. Он проанализировал тематику 3018 работ, изданных в России в 1968–1983 гг. В этот период лидировала тематика, связанная с репродуктивной функцией семьи, на втором месте — темы, посвященные воспитанию детей, на третьем — проблематика профессиональной самореализации женщин.

Заметно, что 70-е годы были рубежными в плане смены ориентации исследователей. Все больше их начинает интересовать образ жизни семьи, отношения супругов, распределение власти в семейных отношениях, конфликты. В 1968 году темы «образ жизни семьи» не было в рейтинге, а в 1975 году она была уже на первом месте. Вместе с тем уменьшалось число работ, посвященных правовым аспектам семейных отношений, репродуктивной функции семьи и процессам рождаемости [15].

В новом тысячелетии, с 2000 по 2012 годы коэффициент брачности характеризовался умеренным ростом, что отчасти связано с относительно стабильной (после 90-х годов) экономической ситуацией.

В настоящее время, по данным Росстата, на конец 2018 года зарегистрирован самый низкий (с 2000 года) коэффициент брачности [9], с одной стороны, это связано с демографической ямой 90-х годов, а с другой — вероятно, указывает на происходящие изменения в представлениях о семье и браке.

Тенденции изменения взглядов на брак и семью в России, США и странах Европы

В европейских странах и США социальный контекст, в котором существовали семья и родительство, в определенные периоды XX века отличался от российского и советского, однако можно выделить общую тенденцию: приблизительно до начала XX века основной идеей, вокруг

которой мужчина и женщина объединялись в семью, была идея обеспечения рождения и воспитания детей, а также необходимость поддерживать уровень финансового благополучия. На протяжении последних ста лет основной акцент стал смещаться в сторону достижения индивидуального эмоционального благополучия и удовлетворенности каждого участника отношений. Брак все больше подвергается процессу деинституализации в последнее десятилетие, особенно в обществах западной формации. Широкий выбор вариантов устройства личных отношений отразился на паттернах партнерских взаимодействий, что привело к росту количества людей, которые выбирают вовсе не иметь партнера [41].

Достижение официального статуса семейного союза перестает быть обязательным для людей, живущих вместе. Несмотря на то, что у ряда исследователей существуют опасения, что неофициальный статус таких отношений может служить фактором, связанным с их меньшей устойчивостью [49], другие [46] показывают, что и официальный брак, и просто совместное проживание партнеров повышают уровень их субъективного благополучия.

Ключевыми изменениями во взглядах на брак и партнерские отношения стала нормализация различных форм отношений, гибкость в распределении гендерных ролей и признание роли социальных факторов в формировании ожиданий от отношений и родительства. Основные тенденции таких изменений заключаются в следующем:

1. Смещение ожидаемых сроков вступления в брак на более поздние периоды жизни.

2. Опциональность вступления в официальный брак, возможность выбора варианта совместного проживания в про-

тивовес традиционному официальному оформлению отношений.

3. Склонность к более тщательному и долговременному периоду выбора брачного партнера.

4. Изменения ожиданий в партнерских и брачных отношениях в сторону достижения индивидуального благополучия.

5. Диверсификация функций семьи и партнерства — возможность родительства вне семьи и постоянных отношений, финансовая автономия партнеров и пр.

6. Возникновение возможности существования различных форматов браков и союзов (основанных однополыми партнерами, полиаморных и пр.).

Институт родительства также претерпевает изменения в последние десятилетия. Брак традиционно считался наиболее благоприятной средой и форматом отношений, в котором происходило рождение и воспитание детей, однако изменения в сфере партнерства повлекли за собой изменения и в сфере родительства. Одним из ключевых моментов стало противоречие между увеличением степени свободы в партнерстве, с одной стороны, и ожиданиями, а также ограничениями, которое вносит родительство в жизнь индивида, с другой. Несмотря на то, что в целом родительство позитивно сказывается на уровне удовлетворенности жизнью [40], многие отцы и матери демонстрируют значительную негативную связь между рождением ребенка и удовлетворенностью супружеством. Особенно это отражается в результатах, демонстрируемых матерями детей младшего возраста и представителями групп с высоким экономическим статусом. Исследователи объясняют это ролевыми конфликтами и ограничениями свободы [51].

Увеличение количества пар, просто проживающих вместе без оформления

брака, подразумевает, что родительство существует в рамках многочисленных форм семейных отношений, включая семьи с единственным родителем или однополые семьи. Также не находится подтверждений негативного влияния воспитания детей в однополых семьях на ход их развития [37].

Динамика взглядов исследователей на семью и родительство в XX—XXI вв.

Рассмотрим, что происходит с фокусом внимания исследователей семьи и родительства на фоне этих изменений.

Теории начала-середины XX века строились с опорой на убеждения о половых и функциональных различиях мужчин и женщин в мотивации создания семьи и реализации родительских ролей. Известнейшими взглядами, обосновывающими значимость половых различий для функционального течения семейной жизни, была теория З. Фрейда, поддержанная и развитая впоследствии Э. Эриксоном (1968). Согласно ей, до того момента, как женщина выйдет замуж, ее идентичность является неполноценной, из чего делался вывод, что для достижения ощущения целостности женщине необходимо создавать семью и рожать детей.

Функционалистская теория, связанная с именем Т. Парсонса (1949), постулировала, что стабильность семьи связана со специализацией каждого из полов в своей области: мужьям предписывалась работа с целью финансового обеспечения семьи, а женам — домашний труд. Гендерно-ролевая специализация и комплементарность являлись, по мнению автора, ключевыми параметрами, обеспечивающими удовлетворенность браком.

Гендерная же симметрия должна была повышать риск супружеской неудовлетворенности и распада семьи.

Социобиологи и эволюционные психологи 70—80-х гг. также делали акцент на половых различиях. Свою позицию они основывали на принципе, согласно которому родители по-разному инвестируют ресурсы в потомство [31] и потому развивают различные стратегии решения репродуктивных задач. Согласно данным концепциям, исторически мужчины стремились передать свой генетический материал как можно большему количеству потомков, рожденных разными партнершами, а женщины, в свою очередь, были заинтересованы инвестировать ресурсы в ограниченное количество детей.

Данные более поздних исследований не нашли подтверждений этим положениям [38; 39], напротив, они демонстрируют, что многие гендерные различия поддерживаются ничем иным, как социальным контекстом. Например, в противоположность стереотипному представлению о том, что женщины более склонны к заботе, чем мужчины, мета-анализ [35] показал, что представители обоих полов с равной готовностью оказывают помощь, но в разных типах ситуаций — женщины в долгосрочных отношениях (например, детско-родительских), мужчины — в ситуациях опасности и угрозы.

Также не нашли поддержки ранее постулировавшиеся утверждения, что исполнение многочисленных ролей, которые исторически и «естественно» не были характерны для женщин или мужчин, могут вести к повышенному уровню дистресса и снижению субъективного ощущения благополучия [33; 52]. Данные исследований показывают, что в современных условиях вовлеченное и активное отцовство является важной ха-

рактической родительской роли мужчины, связанной с субъективным благополучием [32; 42].

В целом анализ русско- и англоязычных научных публикаций про различные аспекты семьи и родительства, которые были сделаны с конца XIX века по сегодняшний день и находятся в базе Google Scholar, выявляет показательную тенденцию в смене тематики исследований (рис. 2).

На русском языке до 80-х годов таких публикаций не встречается, как и в Российском индексе научного цитирования. Это не означает, что подобные работы отсутствовали полностью — какие-то из них просто не учтены в базах данных, однако систематические исследования в этой области не велись. В англоязычной науке конца XIX века начинают появляться статьи, посвященные праву женщин на развод, планированию родительства, обзоры по темам «женщины и родительство», «этические вопросы брака».

В начале XX века количество публикаций возрастает почти в сто раз

и охватывает довольно широкий круг проблем — планирование родительства, родительская ответственность, этические и культурные особенности родительства, готовность к родительству, «новая женская роль» и родительство. Активно обсуждаются вопросы евгеники в контексте родительства. Появляются отдельные работы, посвященные депрессивным реакциям, связанным с родительством. Такой всплеск интереса связывается отдельными исследователями с формированием в первых десятилетиях XX века нового типа моногамного партнерства — детоцентристского, где дети и, как следствие, родительство приобретают особую ценность [4]. Начинает снижаться многодетность, развиваются средства контрацепции и планирования семьи, растет «стоимость» родительского вклада в потомство.

К середине XX века в фокусе исследований впервые начинают обсуждаться вопросы родительства вне брака и отцовство, формируются первые концепции родительства. Родительство рассматрива-

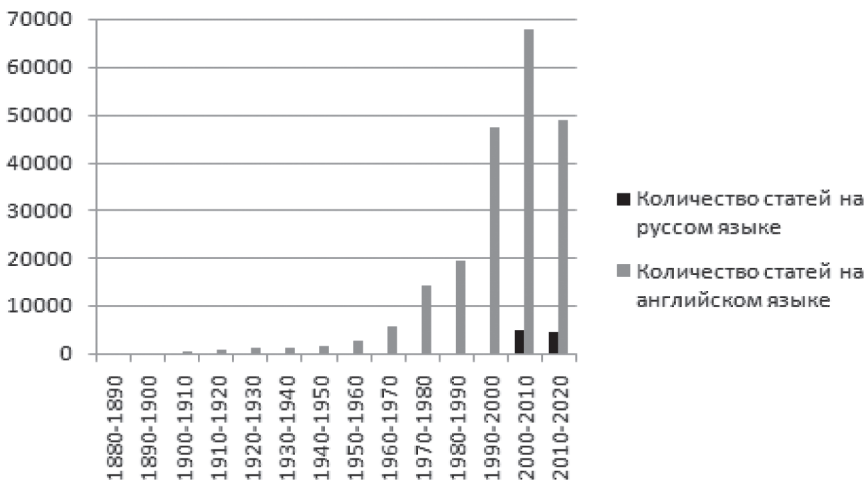

Рис. 2. Количество статей на русском и английском языках с ключевыми словами по тематике семьи и родительства

ется в развитии, в том числе как критический период в жизни семьи. Критически осмысляются роли в родительстве, изучается мотивация к родительству, особенности родительства с приемными детьми.

В конце XX века увеличивается количество исследований, посвященных мужчине в семье и родительству, гендерным ролям в паре и в воспитании детей. Родительство начинает изучаться в более широком контексте, охватываются вопросы социальной поддержки родителей, стабильности и изменений в браке в контексте родительства, влияния родительства на работу у мужчин и женщин, личностных изменений при переходе к родительству. Появляется термин «отложенное родительство». В начале XXI века тематика становится еще более разнообразной и включает в себя изучение удовлетворенности отношениями в паре при переходе к родительству, родительства в гомосексуальных семьях, равенства в браке и родительстве, благополучия в добровольно-бездетных семьях. Большое место отводится вопросам эмоциональной регуляции, совладания со стрессом и тревожностью. Также начиная с 90-х гг. и до настоящего времени много внимания направлено на изучение родительской мотивации в парах с выраженными препятствиями к этому: вынужденно бездетных парах, у людей, страдающих смертельными заболеваниями (например, исследование желания заводить детей у мужчин с ВИЧ-инфекцией); мотивации к родительству в лесбийских семьях [52] и у транссексуальных женщин.

Мы видим, что появление материнства как предмета психологического исследования происходит в период, когда в обществе активнее начинают обсуждаться права женщин. На отцовство обращают внимание только во второй половине XX века, когда в обществе начинает про-

исходить пересмотр гендерных ролей в семье, их не жесткая предзаданность, в том числе в отношении воспитания детей. Тогда же возникает тенденция перенаправления внимания от идеи об эксклюзивном влиянии на развитие ребенка его отношений с матерью в сторону идеи о значимости привязанности к разным близким людям, в том числе отцам [44].

К концу XX — началу XXI вв. с ростом свободы и разнообразия форматов отношений и родительства расширяется и проблематика исследований. Особенностью также является фокусировка на индивидуально-психологических аспектах родительства — благополучии, стрессоустойчивости, самореализации. Если на предыдущем этапе был накоплен массив данных про репродуктивную мотивацию и принятие решений о деторождении, в том числе — про факторы, влияющие на ожидаемый размер семьи, то в последние десятилетия на первый план вышли исследования чайлдфри партнерств. Отношение исследователей к этой позиции все еще неоднозначно. Так, сторонники «традиционных» семейных ценностей (многодетная семья, стабильный брак) считают чайлдфри свидетельством кризиса семьи [27] и изучают мотивацию добровольно бездетных семей с целью разработки стратегий коррекции поведенческих стереотипов [6]. Представители эволюционного подхода смотрят на изменения более позитивно и отмечают, что добровольно бездетная позиция — продукт закономерной и абсолютно естественной трансформации семьи в вариативном мире, дающем людям свободу выбора.

Заключение

На примерах, приведенных выше, мы видим, что изменения социальных (в том

числе экономических и политических) условий развития отношений и принятия репродуктивных решений сопряжены с динамикой внимания к ним исследователей и интерпретации результатов в определенных теоретических рамках. В настоящее время, с одной стороны, происходит нормализация таких типов отношений, семейной организации и паттернов репродуктивного поведения, которые раньше считались неприемлемыми и явно социально неодобряемыми (однополые браки, полиаморные семьи, чайлдфри, равное распределение обязанностей партнеров в воспитании детей и пр.). С другой — по отношению к ранее предпочитаемым паттернам люди демонстрируют негативные социальные установки (жесткая гендерно-ролевая дифференциация в семье, многодетные семьи). Мы видим, что объективные

социальные процессы — такие, как изменение места женщины в обществе, возрастание самооценности человека и значимости его благополучия, расширение репертуара социальных ролей, в том числе гендерных, партнерских и т.д. отражаются на преобладании тех или иных тем исследований и теоретических рамках, в которых интерпретируются полученные данные. Рефлексия социального контекста проведения исследований выступает необходимой процедурой повышения валидности результатов. Кроме того, как отмечает С.И. Голод, анализ подобных тенденций и фактов позволяет реализовать главную цель социальной теории — «создать базу для прогнозов более убедительную, чем простая экстраполяция наблюдаемых здесь и сейчас эмпирических закономерностей на будущее» [3, с. 106].

Литература

1. *Бараш М.С.* Половая жизнь рабочих Москвы // Венерология и дерматология. 1925. № 6. С. 137–147.
2. *Гельман И.И.* Половая жизнь современной молодежи. Опыт социально-биологического обследования. М.: Месполиграф, 1923. 150 с.
3. *Голод С.И.* Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 2. С. 106–119.
4. *Голод С.И.* Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3–4. С. 99–108.
5. *Голод С.И.* Социолого-демографический анализ состояния и эволюция семьи // Социологические исследования. 2008. № 1(285). С. 40–49.
6. *Голубова Т.Н., Махкамова З.Р., Литвиненко А.И.* Феномен «чайлдфри» и проблемы рождаемости в современной России // Таврический медико-биологический вестник. 2016. Т. 19. № 4. С. 18–22.
7. *Голубова Т.Н., Махкамова З.Р., Литвиненко А.И., Санина Г.Н.* Анализ жизненных ценностей представителей течения childfree (чайлдфри) // Инновации в науке. 2016. № 11 (60). С. 57–62.
8. Демографическая модернизация России: 1900-2000 [Электронный ресурс] / Под ред. А. Вишневого. Серия «Новая история». М.: Новое издательство, 2006. 601 с. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/modern/modernizacija.html> (дата обращения: 29.09.2019).
9. Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения [Электронный ресурс] / Под ред. Т.М. Малеевой. 2015. 608 с. URL: <https://www.ganepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (дата обращения: 29.09.2019).
10. *Захаров С.В.* Куда движется супружество в России? [Электронный ресурс] // Демоскоп weekly. 2013. № 545-546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/demoscope545.pdf> (дата обращения: 14.12.2019).

11. *Иванова Е.И.* Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы [Электронный ресурс] // Электронная версия бюллетеня Население и общество. 2010. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/znani/konfer/konfer_010.html (дата обращения: 14.12.2019).
12. *Казачихина М.В.* Чайлдфри как одна из форм современной семьи // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2014. № 3. С. 10–14.
13. *Казьмина О.Е., Пушкарёва Н.Л.* Брак в России XX века: традиционные установки и инновационные эксперименты // Семейные узы. Модели для сборки: сборник статей. Кн. 1 / Сост. и редактор С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 185–219.
14. *Каутский К.* Размножение и развитие в природе и обществе. СПб: Ленанд, 1923. 163 с.
15. *Клецин А.А.* История социологии семьи в России: дисс. ... канд. социол. наук. СПб., 1999. 145 с.
16. *Коллонтай А.М.* Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений // Коммунистка. 1921. № 12-13. С. 29–32.
17. *Лебедева И.В.* Чайлдфри на Западе и в России // Успехи современной науки. 2016. № 12. С. 11–14.
18. *Мацковский М.С.* Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989. 116 с.
19. *Полутова М.А., Жанбаз О.О.* Ценностные и мотивационные установки сообщества «чайлдфри» с позиций постмодернизма // Вестник ЗабГУ. 2015. № 01(116). С. 89–100.
20. *Рязанов Д.Б.* Взгляды Маркса и Энгельса на брак и семью. М.: Молодая гвардия, 1927. 68 с.
21. *Снегирева Т.В.* «Добровольно бездетная» семья глазами семейного психолога // Культурно-историческая психология. 2010. № 3. С. 99–109.
22. *Сорокин П.А.* Кризис современной семьи (социологический очерк) // Ежемесячный журнал. 1916. № 3. С. 165–168.
23. *Харчев А.Г.* Быт и семья в социалистическом обществе. Л.: Знание, 1968. 40 с.
24. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1979. 367 с.
25. *Хорошилов Д.А.* Критерии валидности качественного исследования в социальной психологии: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2012. 183 с.
26. *Юркевич Н.Г.* Советская семья. Функции и условия стабильности. Минск: БГУ, 1970. 208 с.
27. *Яцина Е.Ф.* К вопросу о чайлдфри: отказ от материнства и отцовства как социально-психологический симптом // Материалы международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы педагогики и психологии» (г. Москва, 5 августа 2013 г.). М.: Научное обозрение, 2013. С. 98–106.
28. *Agrillio C., Nelini C.* Childfree by choice: a review // Journal of Cultural Geography. 2008. № 25:3. P. 347–363. DOI: 10.1080/08873630802476292
29. *Albertini M., Arpino B.* Childlessness, parenthood and subjective wellbeing: The relevance of conceptualizing parenthood and childlessness as a continuum. Brussels, 2018. P. 16. DOI: 10.31235/osf.io/xtfq6
30. *Blake J.* Family size and the quality of children // Demography. 1981. V. 18. № 4. P. 416–421. DOI: 10.2307/2060941
31. *Buss D.M., Kenrick D.T.* Evolutionary social psychology // The handbook of social psychology / D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey. NY: Oxford, 1998. P. 982–1026.
32. *Christiansen S.L., Palkovitz R.* Why the “good provider” role still matters: Providing as a form of paternal involvement // Journal of Family Issues. 2001. T. 22. № 1. P. 84–106. DOI: 10.1177/019251301022001004
33. *Crosby F.J., Jaskar K.L.* Women and men at home and at work: Realities and illusions // Claremont Symposium on Applied Social Psychology. V. 6. Gender issues in contemporary society / In S. Oskamp, M. Costanzo (eds.). Sage Publications, Inc., 1993. P. 143–171.
34. Does continuity of care impact decision making in the next birth after a caesarean section (VBAC)? A randomised controlled trial / Homer C. [et al.] // BMC Pregnancy Childbirth. 2013. № 13:140. DOI: 10.1186/1471-2393-13-140

35. *Eagly A.H., Crowley M.* Gender and helping behavior: A meta-analytic review of the social psychological literature // *Psychological bulletin*. 1986. V. 100. № 3. P. 283. DOI: 10.1037/0033-2909.100.3.283
36. Family planning decisions after the birth of a cystic fibrosis child. The impact of prenatal diagnosis / Evers-Kiebooms G. [et al] // *Scand J Gastroenterol Suppl*. 1988. № 143. P. 38–46.
37. *Goodman A., Greaves E.* Cohabitation, marriage and child outcomes. London: The Institute for Fiscal Studies, 2010. 75 p. DOI: 10.1920/co.ifs.2010.0114
38. *Hare-Mustin R.T., Marecek J.* The meaning of difference: Gender theory, postmodernism, and psychology // *American Psychologist*. 1988. № 43 (6). P. 455–464. DOI: 10.1037/0003-066X.43.6.455
39. *Hyde J.S., Plant E.A.* Magnitude of psychological gender differences: Another side to the story // *Am Psychol*. 1995. № 50(3). P. 159–171. DOI: 10.1037//0003-066x.50.3.159
40. In defense of parenthood: Children are associated with more joy than misery / Nelson S.K. [et al.] // *Psychological Science*. 2013. V. 24. №1. P. 3–10. DOI: 10.1177/0956797612447798
41. *Karraker M.W., Grochowski J.R.* Families with futures: family studies into the 21st century. Oxford: Routledge, 2012. 480 p.
42. *Kaufman G., Uhlenberg P.* The influence of parenthood on the work effort of married men and women // *Social forces*. 2000. T. 78. № 3. P. 931–947. DOI: 10.2307/3005936
43. Making choices for childbirth: development and testing of a decision-aid for women who have experienced previous caesarean / Shorten A. [et al.] // *Patient Education and Counseling*. 2004. № 52. P. 307–313. DOI: 10.1016/S0738-3991(03)00106-X
44. *Massah R., Abushaikha L.* The roles of the father during childbirth: the lived experiences of Arab Syrian parents // *Health Care For Women International*. 2012. Vol. 33(2). P. 168–181. DOI: 10.1080/07399332.2011.610534
45. *Miller W.B., Pasta D.J.* Motivational and nonmotivational determinants of child-number desires // *Population and Environment*. 1993. T. 15. № 2. P. 113–138. DOI: 10.1007/BF02209405
46. *Musick K., Bumpass L.* Reexamining the case for marriage: Union formation and changes in well-being // *Journal of Marriage and Family*. 2012. T. 74. № 1. P. 1–18. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2011.00873.x
47. *Pebley A.R., Westoff C.F.* Women's sex preferences in the United States: 1970 to 1975 // *Demography*. 1982. V. 19. № 2. P. 177–189. DOI: 10.2307/2061189
48. *Raskin J.D.* Constructivist theories // *Comprehensive handbook of personality and psychopathology*. Vol. 1: Personality and everyday functioning / In J.C. Thomas, D.L. Segal (Eds.). New York, NY: John Wiley, 2006. P. 212–229.
49. *Reinhold S.* Reassessing the link between premarital cohabitation and marital instability // *Demography*. 2010. Vol. 47. № 3. P. 719–733. DOI: 10.1353/dem.0.0122
50. *Teachman J.D., Schollaert P.T.* Gender of children and birth timing // *Demography*. 1989. Vol. 26. № 3. P. 411–423.
51. *Twenge J.M., Campbell W.K., Foster C.A.* Parenthood and marital satisfaction: a meta-analytic review // *Journal of marriage and family*. 2003. T. 65. № 3. P. 574–583. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x
52. *Wethington E., Kessler R.C.* Employment, parental responsibility, and psychological distress: A longitudinal study of married women // *Journal of Family Issues*. 1989. Vol. 10. № 4. P. 527–546. DOI: 10.1177/019251389010004006

References

1. Barash M.S. Polovaya zhizn' rabochikh Moskvyy [Sexual life of Moscow workers]. *Venerologiya i dermatologiya = Venereology and Dermatology*, 1925, no. 6, pp. 137–147.
2. Gel'man I.I. Polovaya zhizn' sovremennoi molodezhi. Opyt sotsial'no-biologicheskogo obsledovaniya [Sexual life of modern youth. The experience of socio-biological examination]. Moscow: Mespoligraf, 1923. 150 p.

3. Golod S.I. Perspektivy monogamnoi sem'i: sravnitel'nyi mezhkul'turnyi analiz [Prospects for a monogamous family: a comparative intercultural analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii = Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2003. Vol. VI, no. 2, pp. 106–119.
4. Golod S.I. Sovremennaya sem'ya: plyuralizm modelei [Modern family: pluralism of models]. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*, 1996, no. 3–4, pp. 99–108.
5. Golod S.I. Sotsiologo-demograficheskii analiz sostoyaniya i evolyutsiya sem'i [Sociological and demographic analysis of the state and the evolution of the family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological research*, 2008, no. 1(285), pp. 40–49.
6. Golubova T.N., Makhkamova Z.R., Litvinenko A.I. Fenomen «chaidfri» i problemy rozhdamosti v sovremennoi Rossii [The phenomenon of childfree and fertility problems in modern Russia]. *Tavricheskii mediko-biologicheskii vestnik = Tavricheskii Mediko-Biologicheskii Vestnik*, 2016. Vol. 19, no. 4, pp. 18–22.
7. Golubova T.N., Makhkamova Z.R., Litvinenko A.I., Sanina G.N. Analiz zhiznennykh tsennostei predstavitelei techeniya shildfree (chaidfri) [Analysis of life values of the representatives of the flow of childfree (childfree)]. *Innovatsii v nauke = Innovations in science*, 2016, no. 11 (60), pp. 57–62.
8. Demograficheskaya modernizatsiya Rossii: 1900-2000 [Elektronnyi resurs] [Demographic modernization of Russia]. In A. Vishnevskogo (eds.). *Seriya "Novaya istoriya" = Series "New History"*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. 601 p. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/modern/modernizaciya.html> (Accessed 29.09.2019).
9. Ezhemesyachnyi monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya i samochuvstviya naseleniya [Elektronnyi resurs] [Monthly monitoring of the socio-economic situation and well-being of the population]. In Maleeva T.M. (ed.). 2015. 608 p. URL: <https://www.ranepa.ru/images/News/2019-04/08-04-2019-monitoring.pdf> (Accessed 29.09.2019).
10. Zakharov S.V. Kuda dvizhetsya supruzhestvo v Rossii? [Elektronnyi resurs] [Where is marriage going in Russia?]. *Demoskop weekly = Demoskop weekly*, 2013, no. 545–546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/demoscope545.pdf> (Accessed 14.12.2019).
11. Ivanova E.I. Transformatsiya brachnosti v Rossii v KhKh veke: osnovnye etapy [Elektronnyi resurs] [The transformation of marriage in Russia in the twentieth century: the main stages]. *Elektronnaya versiya byulletenya Naselenie i obshchestvo = Electronic version of the bulletin Population and Society*. 2010. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_010.html (Accessed 14.12.2019).
12. Kazachikhina M.V. Chaidfri kak odna iz form sovremennoi sem'i [Childfree as one of the forms of the modern family]. *Vestnik sotsial'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki = Bulletin of social and humanitarian education and science*, 2014, no. 3, pp. 10–14.
13. Kaz'mina O.E., Pushkareva N.L. Brak v Rossii XX veka: traditsionnye ustanovki i innovatsionnye eksperimenty [Marriage in Russia of the XX century: traditional attitudes and innovative experiments]. In Ushakin S. (ed.). *Semeinye uzy. Modeli dlya sborki: sbornik statei. Kn. 1. = Family ties. Models for assembly: a collection of articles. Book 1*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004, pp. 185–219.
14. Kautskii K. Razmnozhenie i razvitie v prirode i obshchestve [Reproduction and development in nature and society]. St. Petersburg: Lenand, 1923. 163 p.
15. Kletsin A.A. Istoriya sotsiologii sem'i v Rossii. Dis. kand. sotsiol. nauk [The history of the sociology of the family in Russia. PhD (Sociology) diss.]. St. Petersburg, 1999. 145 p.
16. Kollontai A.M. Tezisy o kommunisticheskoi morali v oblasti brachnykh otnoshenii [Theses on communist morality in the field of marriage]. *Kommunistka = Communist*, 1921, no. 12–13, pp. 29–32.
17. Lebedeva I.V. Chaidfri na Zapade i v Rossii [Childfree in the West and in Russia]. *Uspekhii sovremennoi nauki = Successes of modern science*, 2016, no. 1, pp. 11–14.
18. Matskovskii M.S. Sotsiologiya sem'i. Problemy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of the family. Problems of theory, methodology and methodology]. Moscow: Nauka, 1989. 116 p.

19. Polutova M.A., Zhanbaz O.O. Tsennostnye i motivatsionnye ustanovki soobshchestva «childfri» s pozitsii postmodernizma [The value and motivational attitudes of the childfree community from the perspective of postmodernism]. *Vestnik ZabGU = Bulletin of ZabSU*, 2015, no. 01 (116), pp. 89–100.
20. Ryazanov D.B. Vzglyady Marksa i Engel'sa na brak i sem'yu [The views of Marx and Engels on marriage and family]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1927. 68 p.
21. Snegireva T.V. «Dobrovol'no bezdetnaya» sem'ya glazami semeinogo psikhologa [“Voluntarily childless” family through the eyes of a family psychologist]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2010, no. 3, pp. 99–109.
22. Sorokin P.A. Krizis sovremennoi sem'i (sotsiologicheskii ocherk) [Cultural-historical psychology]. *Ezhemesyachnyi zhurnal = Monthly journal*, 1916, no. 3, pp. 165–168.
23. Kharchev A.G. Byt i sem'ya v sotsialisticheskom obshchestve [Life and family in a socialist society]. St. Peterburg: Znanie, 1968. 40 p.
24. Kharchev A.G. Brak i sem'ya v SSSR. 2-e izd., pererab. i dop [Marriage and family in the USSR. 2nd ed., revised. and add.]. Moscow: Mysl', 1979. 367 p.
25. Khoroshilov D.A. Kriterii validnosti kachestvennogo issledovaniya v sotsial'noi psikhologii. Diss. kand. psikhol. nauk [Validity criteria for a qualitative study in social psychology. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2012. 183 p.
26. Yurkevich N.G. Sovetskaya sem'ya. Funktsii i usloviya stabil'nosti [Soviet family. Functions and conditions of stability]. Minsk: BGU, 1970. 208 p.
27. Yatsina E.F. K voprosu o childfri: otkaz ot materinstva i otsovstva kak sotsial'no-psikhologicheskii simptom [To the issue of childfree: rejection of motherhood and fatherhood as a socio-psychological symptom]. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Nauchnaya diskussiya: voprosy pedagogiki i psikhologii” (g. Moskva, 5 avgusta 2013) [Proceedings of the international scientific-practical conference “Scientific discussion: issues of pedagogy and psychology”]. Moscow: Nauchnoe obozrenie, 2013, pp. 98–106.
28. Agrillio C., Nelini C. Childfree by choice: a review. *Journal of Cultural Geography*, 2008, no. 25:3, pp. 347–363. DOI: 10.1080/08873630802476292
29. Albertini M., Arpino B. Childlessness, parenthood and subjective wellbeing: The relevance of conceptualizing parenthood and childlessness as a continuum. Brussels, 2018. p. 16. DOI: 10.31235/osf.io/xtfq6
30. Blake J. Family size and the quality of children. *Demography*, 1981. Vol. 18, no. 4, pp. 416–421. DOI: 10.2307/2060941
31. Buss D.M., Kenrick D.T. Evolutionary social psychology. In D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey (ed.). *The handbook of social psychology*. NY: Oxford, 1998, pp. 982–1026.
32. Christiansen S.L., Palkovitz R. Why the “good provider” role still matters: Providing as a form of paternal involvement. *Journal of Family Issues*, 2001, Vol. 22, no. 1, pp. 84–106. DOI: 10.1177/019251301022001004
33. Crosby F.J., Jaskar K.L. Women and men at home and at work: Realities and illusions. In S. Oskamp, M. Costanzo (eds.). *Claremont Symposium on Applied Social Psychology*. Vol. 6. Gender issues in contemporary society. Sage Publications, Inc., 1993, pp. 143–171.
34. Homer C. [et al.]. Does continuity of care impact decision making in the next birth after a caesarean section (VBAC)? A randomised controlled trial. *BMC Pregnancy Childbirth*, 2013, no. 13:140. DOI: 10.1186/1471-2393-13-140
35. Eagly A.H., Crowley M. Gender and helping behavior. A meta-analytic review of the social psychological literature. *Psychological bulletin*, 1986. Vol. 100, no. 3, pp. 283–308. DOI: 10.1037/0033-2909.100.3.283
36. Evers-Kiebooms G. [et al.]. Family planning decisions after the birth of a cystic fibrosis child. The impact of prenatal diagnosis. *Scand J Gastroenterol Suppl*, 1988, no. 143, pp. 38–46.
37. Goodman A., Greaves E. Cohabitation, marriage and child outcomes. London: The Institute for Fiscal Studies, 2010. 75 p. DOI: 10.1920/co.ifs.2010.0114

38. Hare-Mustin R.T., Marecek J. The meaning of difference: Gender theory, postmodernism, and psychology. *American Psychologist*, 1988, no. 43(6), pp. 455–464. DOI: 10.1037/0003-066X.43.6.455
39. Hyde J.S., Plant E.A. Magnitude of psychological gender differences: Another side to the story. *Am Psychol*, 1995, no. 50(3), pp. 159–171. DOI: 10.1037//0003-066x.50.3.159
40. Nelson S.K. [et al.]. In defense of parenthood: Children are associated with more joy than misery. *Psychological Science*, 2013. Vol. 24, no. 1, pp. 3–10. DOI: 10.1177/0956797612447798
41. Karraker M.W., Grochowski J.R. Families with futures: family studies into the 21st century. Oxford: Routledge, 2012. 480 p.
42. Kaufman G., Uhlenberg P. The influence of parenthood on the work effort of married men and women. *Social forces*, 2000. Vol. 78, no. 3, pp. 931–947. DOI: 10.2307/3005936
43. Shorten A. [et al.]. Making choices for childbirth: development and testing of a decision-aid for women who have experienced previous caesarean. *Patient Education and Counseling*, 2004, no. 52, pp. 307–313. DOI: 10.1016/S0738-3991(03)00106-X
44. Massah R., Abushaikha L. The roles of the father during childbirth: the lived experiences of Arab Syrian parents. *Health Care For Women International*, 2012. Vol. 33(2), pp. 168–181. DOI: 10.1080/07399332.2011.610534
45. Miller W.B., Pasta D.J. Motivational and nonmotivational determinants of child-number desires. *Population and Environment*, 1993. Vol. 15, no. 2, pp. 113–138. DOI: 10.1007/BF02209405
46. Musick K., Bumpass L. Reexamining the case for marriage: Union formation and changes in well-being. *Journal of Marriage and Family*, 2012. Vol. 74, no. 1, pp. 1–18. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2011.00873.x
47. Pebley A.R., Westoff C.F. Women's sex preferences in the United States: 1970 to 1975. *Demography*, 1982. Vol. 19, no. 2, pp. 177–189. DOI: 10.2307/2061189
48. Raskin J.D. Constructivist theories. In J.C. Thomas, D.L. Segal, M. Hersen (eds.). *Comprehensive handbook of personality and psychopathology*. Vol. 1. *Personality and everyday functioning*. John Wiley & Sons Inc, 2006, pp. 212–229.
49. Reinhold S. Reassessing the link between premarital cohabitation and marital instability. *Demography*, 2010. Vol. 47, no. 3, pp. 719–733. DOI: 10.1353/dem.0.0122
50. Teachman J.D., Schollaert P.T. Gender of children and birth timing. *Demography*, 1989. Vol. 26, no. 3, pp. 411–423.
51. Twenge J.M., Campbell W.K., Foster C.A. Parenthood and marital satisfaction: a meta-analytic review. *Journal of marriage and family*, 2003. Vol. 65, no. 3, pp. 574–583. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2003.00574.x
52. Wethington E., Kessler R.C. Employment, parental responsibility, and psychological distress: A longitudinal study of married women. *Journal of Family Issues*, 1989. Vol. 10, no. 4, pp. 527–546. DOI: 10.1177/019251389010004006

Информация об авторах

Голзицкая Алена Александровна, младший научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7509-9813>, e-mail: a_golzi@mail.ru

Кисельникова Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Куминская Евгения Андреевна, научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования»

(ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5650-1096>, e-mail: evgenia.kuminskaya@gmail.com

Лаврова Елена Васильевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, лаборатория консультативной психологии и психотерапии, ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования» (ФГБНУ «ПИ РАО»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7144-4704>, e-mail: may_day@list.ru

Карпинский Константин Викторович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, Гродненский государственный университет имени Я. Купалы, г. Гродно, Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@tut.by

Греськова Полина Анатольевна, студентка, факультет психологии, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5490-780X>, e-mail: polina.greskova@gmail.com

Information about the authors

Alena A. Golzitskaya, Junior Scientific Researcher, Laboratory of Psychotherapy and Counseling Psychology, The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7509-9813>, e-mail: a_golzi@mail.ru

Natalya V. Kiselnikova, PhD in Psychology, Assistant Professor, Head of Laboratory of Psychotherapy and Counseling Psychology, The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-4972>, e-mail: nv_psy@mail.ru

Evgeniya A. Kuminskaya, Researcher, Laboratory of Psychotherapy and Counseling Psychology, The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5650-1096>, e-mail: evgenia.kuminskaya@gmail.com

Elena V. Lavrova, PhD in Psychology, Senior Researcher, Laboratory of Psychotherapy and Counseling Psychology, The Federal State Budget Scientific Institution “Psychological Institute of the Russian Academy of Education”, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7144-4704>, e-mail: may_day@list.ru

Konstantin V. Karpinskiy, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Experimental and Applied Psychology, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1820-4007>, e-mail: karpkostia@tut.by

Polina A. Greskova, Student, Faculty of Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Saint-Petersburg State University”, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5490-780X>, e-mail: polina.greskova@gmail.com

Получена 23.12.2019

Received 23.12.2019

Принята в печать 03.07.2020

Accepted 03.07.2020